

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'22

ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ «ФРЕЙМИРОВАНИЕ» ДЛЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

POTENTIAL OF THE CONCEPT “FRAMING” FOR COGNITIVE LINGUISTICS

Светлана Леонидовна Андреева
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

Svetlana leonidovna Andreeva
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk,
Russia

Аннотация

Кибернетико-лингвистическое направление в теории фреймов, сложившееся благодаря разработкам искусственного интеллекта, сформировало в лингвистике «статический» подход к пониманию и описанию фреймов. В то же время другие социально-гуманитарные науки в большей мере исследовали поведенческую матрицу фрейма для получения возможности прогнозирования развития общественных процессов, поведенческих практик различных социальных групп. В рамках последнего направления фрейм стал рассматриваться как процесс целенаправленного структурирования реальности в сознании масс, т. е. в динамике. Социология, социальная и политическая психология используют термин «фреймирование», называя им и сам процесс, и метод анализа фреймов (фрейминг). Автор статьи обращает внимание на некоторые аспекты исследования фреймирования, которые не только будут продуктивными для когнитивной лингвистики, но и позволят расширить представление о границах действия фрейма в вербальной и невербальной коммуникации, особенно в рамках изучения структурирования реальной действительности в воздействующих видах речи. «Поведенческую» часть таких ментальных образований, как фрейм, концепт, концептосфера можно реконструировать

с помощью пропозиционально-фреймового анализа. Это позволит не только формализовать междисциплинарную зону исследования когнитивных структур, но и представить ее в доступных для лингвистики логических категориях.

Ключевые слова: фрейм, фреймирование, концепт, когнитивная лингвистика, пропозиционально-фреймовый анализ.

Abstract

Cybernetics and linguistic direction in the theory of frames, established through the development of artificial intelligence, has formed a “static” approach to understanding and describing frames in linguistics. At the same time, other social sciences and the humanities studied the frame’s behavioral matrix to a greater extent in order to be able to predict the development of social processes and behavioral practices of various social groups. Within the framework of the latter direction, the frame was considered as a process of purposeful structuring of reality in the minds of the masses, i.e. in dynamics. Sociology, social and political psychology use the term “framing” to describe the process and the method of frame analysis. The author of the article draws attention to some aspects of the study of framing, which will not only be productive for cognitive linguistics, but also expand the understanding of the scope of the frame in verbal and non-verbal communication, especially in the framework of studying the structuring of reality in the influential types of speech. The “behavioral” part of such mental formations as the frame, concept, and concept sphere can be reconstructed using the propositional frame analysis. This will allow not only to formalize an interdisciplinary research zone of cognitive structures, but also to present it in logical categories accessible to linguistics.

Key words: frame, framing, concept, cognitive linguistics, propositional and frame analysis.

Когнитивная научная парадигма в языкознании сформировалась в конце XX в., главным образом, на основе нового спектра проблем по пониманию и интерпретации языка, а также на введении новых методов исследования. При всех безусловных достижениях когнитивной лингвистики и несмотря на складывающиеся новые фундаментальные научные школы, в области понимания ключевых понятий: «когниция», «концепт», «концептосфера», «фрейм», «категоризация» и «концептуализа-

ция» — оказалось больше вопросов, нежели ответов. При этом внешне очевидные и простые связи и отношения между когнитивными понятиями и ментальными сущностями, для описания которых они применяются, на поверку оказываются далеко не такими простыми и не столь очевидными. В. А. Ефремов полагает: «Когнитивистика на современном этапе своего развития столкнулась с ситуацией, характерной для любой новой гуманитарной отрасли человеческих знаний: междисциплинарный характер самой науки, многочисленные, иногда взаимопротиворечащие, подходы ученых, ее представляющих, а также гетерогенность используемых методик, диффузность предмета исследований и терминологический разнобой привели к тому, что у стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, будто на свете существует столько вариантов когнитивной науки, сколько самих когнитологов» [Ефремов: 96]. Однако такая ситуация свидетельствует не только о «молодости» данной лингвистической отрасли, но и о сложности задачи, которую она себе определила, — «объяснение тех корреляций и связей, которые обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [Кубрякова: 9].

Общим местом в парадигме когнитивной лингвистики стала междисциплинарность в описании фреймов, концептов и концептосфер. Ее неизбежность обусловлена взглядом на язык как на *одну из* когнитивных областей человека. Языковая структура «зависит от “концептуализации”, которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также отношений к внешнему миру» [Ефремов: 27]. Такой взгляд на язык предполагает исследование языковых механизмов в числе прочих механизмов когниции, языковых знаков в системе других знаков коммуникации, а также использование лингвистических методов в сочетании с другими методами изучения когнитивного пространства человека. Несмотря на общепризнанность среди лингвистов междисциплинарности когнитивных исследований, она, по мнению А. В. Кравченко, не реализуется в полной мере [Кравченко: 51].

Очевидно, что необходимость привлечения методов других наук появляется тогда, когда существующая методология, понятийный аппарат не позволяют найти ответы на все возникающие вопросы. Так обстоит дело и с использованием понятия «фрейм» в лингвистике. Узость интерпретации фрейма только

как статичной рамки и соответствующее этому его описание, с нашей точки зрения, скрывают «подводную часть айсберга» — механизмы работающего фрейма.

Фреймовая теория представления знаний в лингвистике появилась в связи с постановкой вопроса машинного перевода, когда перед учеными встала проблема обнаружения и учета «недостающих характеристик» — скрытых элементов значения, не выраженных явно в контекстной семантике лексем и в их словарных толкованиях [Jackendoff: 140]. Внедрение фреймового подхода помогло выявить «набор условий, часто отличающихся большой сложностью» и дать внешнее типовое представление о предмете или событии [Jackendoff: 141]. По Р. Джекендоффу, «смысл теории фреймов заключается в том, что она дает возможность <...> дополнять недостающие характеристики концептов, которые не были установлены при их определении или категоризации» [Jackendoff: 141]. Ограничения в понимании и использовании фреймового подхода появились оттого, что теорию фреймов «укладывали» в статику лингвистической парадигмы (к примеру, Ч. Филлмор примерял понятие фрейма к теории поля в лингвистике [Филлмор: 57]).

В общей теории фрейма сложилось два направления развития и два метода описания: 1) социолого-психологическое, 2) кибернетико-лингвистическое [Вахштайн 2007: 42–43]. Последний подход определяет фрейм как когнитивную структуру, которая используется для выстраивания знаний (М. Минский и последователи) и схематизации опыта (Ч. Филмор и последователи). Другими словами, фрейм анализируется как системообразующий феномен с позиций категоризации и систематизации знаний человека о мире. Однако данный подход сосредоточен на статике фрейма и не учитывает его динамики.

Напомним, что вне лингвистики фреймы исследовались для выявления и прогнозирования поведения человека, например, в практиках сферы политического (см. подробно [Бейтсон (*Bateson*); Гофман; Вахштайн 2007; Яноу, Хульст] и др.). Д. Шёном и М. Райном было введено в научный оборот понятие фреймирования (фрейминга) прежде всего как метода фрейм-анализа [Rein, Schön].

Сегодня фреймирование представляют как «процесс, в котором акторы одновременно создают значения событий / ситуаций и регулируют свое поведение в данных событиях / ситу-

ациях сообразно присвоенным им значениям» [Яноу, Хульст: 93]. Именно в исследованиях сферы политического Д. Яноу и М. ван Хульст обнаруживают существование статического и динамического восприятия фрейма: «Концепт¹ “фрейм” непосредственно отсылает к статичным, дефинитивным и, вероятно, таксономическим способам обращения с предметом. Понятие фреймирования предлагает более процессуально-ориентированные и, на наш взгляд, более политически чувствительные описания» [Яноу, Хульст: 89].

Во фреймировании скрыты, с нашей точки зрения, возможности более полного описания когнитивных структур, в том числе в категориях, приемлемых для лингвистики.

Итак, лингвистам важно допустить, что фрейм может быть описан как в статике (как конструкт, схема, рамка, набор из слотов, составных частей объектов), так и в динамике, т. е. в виде перечня типичных, ожидаемых действий, которые выступают процессуальными (поведенческими) рамками ситуаций.

Если распространить такой подход на фрейм «комната», который разбирался М. Минским в работе «Фреймы для представления знаний» [Минский], то указанный фрейм будет состоять в статике из слотов (стены, пол, потолок, дверь, одна из частей дома, *окно, *мебель и т. д.). Зрительно фреймовый конструкт задает определенные отношения между слотами. Например, стены перпендикулярны потолку и полу, окно чаще находится на стене и редко на потолке; мебель внутри комнаты и т. д. Но для полного осознания и оценки объекта, называемого *комната*, таких сведений недостаточно.

Фрейм дает представление о том, какой спектр типовых ситуаций для него «нормален», т. е. какие состояния типичны для данного объекта в целом и его частей в отдельности. К примеру, для разбираемого фрейма возможны следующие ситуации: «Некто живет / работает / прячется / отдыхает в комнате», «Некто зашел в комнату / вышел из комнаты», «Некто арендовал / продал / купил / отремонтировал / декорировал комнату» и многие др. Однако невозможны, например: «Некто развязал / окунул / сварил... комнату».

Так же дело обстоит с каждым отдельным слотом. Так, слот «стена» может рассматриваться в ситуации с активным субъек-

¹ Здесь термин «концепт» равен по содержанию слову «понятие».

том — «Некто построил / возвел... стену», «Некто разрушил стену», «Некто украсил стену», «Некто прячется за стеной» «Некто слышит сквозь стену», «Некто смотрит на стену», «Некто испортил стену» и др. Но данный слот не допускает применительно к себе следующих действий: «Некто усыпляет / поет / обманывает... стену».

Допустимы пассивные, бессубъектные ситуации проявления свойств слота: «Стена прочная / непрочная / каменная / стеклянная упала / построилась / разрушилась / треснула», но не — «Стена заботливая / раскидистая / стремительная». За каждым слотом закреплен свой набор привычных поведенческих схем объектов. Обратим внимание, что сознание хранит все частные стереотипные ситуации со стандартным набором подробностей (материалов, инструментов, целей, результатов, времени, места, образа и способа действия, количества участников, характера их взаимодействия и т. п.).

При фреймировании (например, с помощью фрейма «комната») на восприятие новой реальности «налагается» определенный ожидаемый стандарт апперцепции. Восприятие протекает в этом случае, преломляясь через личностные (собственные или навязанные) фильтры. Некому объекту в ситуации может быть присвоено имя *комната*, которое сразу задаст векторы восприятия: ожидание типичных свойств, оценки, привычный спектр поведения объекта или субъекта в рамках, предусмотренных опытом использования данного фрейма в коммуникации. Одновременно предлагаемый фрейм завуалирует, скроет те признаки, распознавание которых повлечет нежелательное поведение. Заметим, что внимание к нужным / ненужным / полезным / бесполезным признакам контролируется и обуславливается культурой народа.

Итак, при динамическом подходе мы получим: а) фреймовую схему, состоящую из обязательных элементов (слотов), б) спектр (описание) типовых привычных действий акторов для каждого из слотов фрейма.

Спектр прогнозируемых действий и взаимодействий, например, с вещным миром позволяет оценивать какое-либо поведение как предсказуемое (нормальное) или как непредсказуемое (аномальное). Указанный подход используется в нейролингвистическом программировании, когда человеку предлагается поменять фрейм, т. е. оценить известные обстоятельства

иначе — перефреймировать (переструктурировать) их, чтобы затем действовать соответственно новому фрейму и добиться тоже прогнозируемых, но других результатов.

Рассмотрение поведенческой части фрейма, казалось бы, находится за пределами прямого интереса лингвиста, но, с другой стороны, язык и речь живо реагируют на поведенческие стереотипы, закрепляющиеся в сознании носителей или пользователей языка.

При переводе на другой язык (или в разных сферах употребления одного языка) когнитивный «конфликт» может не обнаруживаться на уровне значения семантической единицы. И даже при условии, казалось бы, точного подбора языкового аналога знак способен актуализировать в сознании коммуникантов разные поведенческие траектории, например: ритуал похорон у разных народов при наличии общих атрибутов — усопший, скопление людей, специальная одежда и т. п. — у одних этносов предполагает танцы и музыку, у других — громкий надрывный плач; у одних — присутствие большего количества женщин; у других — мужчин... Будет различаться динамическая картина фрейма. Поведенческая матрица ситуации, структурируемая фреймом, обусловлена культурой и конкретными задачами коммуникации. Она передается средствами языка, хотя не только ими.

Изучение фрейма в процессе категоризации не должно отрываться от процесса концептуализации (приписывания смысла и значения). Смысл фразы оценивается по спектру поведенческих схем, «активированных» в сознании людей соответственно проведенной концептуализации.

Социологами было замечено, что борьба в политической сфере сводится к соревнованию за право интерпретировать реальность [Яноу, Хульст], т. е. фреймировать ее с определенной целью. Правильная (нужная) и при этом статичная рамка ситуации структурирует действительность не только в настоящем, но и в будущем. Но, главное, эта же рамка побуждает к определенному действию, оправданию или порицанию чьего-либо поведения. Поведенческий набор собирается таким образом, чтобы внушаемая идея была выработана реципиентами «самостоятельно». Расчет делается на типичность, стандартность поведенческого спектра, который не просто возможен, но культурно освоен обществом. С точки зрения речевой ситуации

успешность фреймирования оценивается по поведению реципиента — оно должно соответствовать прогнозу, т. е. «норме».

Процесс фреймирования, по мнению ученых, предполагает «нормативный скачок». Границы «нормы фрейма» отличаются у разных народов. Говоря, что «фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации», М. Минский замечает, что «с каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая — что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья — что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [Минский: 5]. На этом, собственно, базируется воздействующий эффект ряда политтехнологий, психотерапевтических методик, НЛП и прочих способов манипуляции индивидуальным или общественным сознанием. В воздействующей речи суть фреймирования сводится к выбору и «свободному» навязыванию новой нормативной рамки с иным спектром допустимых действий.

Предсказуемость поведенческого аспекта ситуации важна не только психологам, социологам, политологам, педагогам, но и лингвистам, изучающим речевую коммуникацию, а также язык как знаковую систему, ее обслуживающую. Поведенческий аспект не дает забыть о том, что речевая коммуникация сама по себе является лишь инструментом, позволяющим человеческому сообществу реализовывать другие виды деятельности, что она не самоцель и, следовательно, язык создан не только для установления контакта между людьми, а для успешного достижения целей в других видах деятельности.

Мы считаем, что основой для функционирования механизмов коммуникативного сознания являются фреймовые структуры, запечатленные в знаковых системах. У языка как уникальной и универсальной системы есть и способность не только сочетаться с другими знаковыми системами культуры (в поликодовом гипертексте), но и заменять их. Фреймы организуют опыт человека, значительно экономя усилия по обработке новой информации. Причем фрейм как инвариант сосуществует в сознании с представлениями о его вариантах. Все модернизации и воплощения инварианта объединяются в целостность, «сгусток сознания» — концепт. В. Н. Телия отмечает, что «концепт — это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта,

а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия: 96].

Реальная ситуация, которая даст основание фрейму, выбирается из множества других ситуаций, схожих по структуре и предметному наполнению. Способность человека вырабатывать фреймы формируется в коммуникации и закладывается на этапе «симпрактического мышления». В работе «Язык и сознание» А. Р. Лурия подчеркивал: «Язык, который сначала был глубоко связан с практикой, вплетен в практику и имел “симпрактический характер”, постепенно стал отделяться от практики и сам стал заключать в себе систему кодов, достаточных для передачи любой информации. <...> В результате общественной истории язык стал решающим орудием человеческого познания, благодаря которому человек смог выйти за пределы чувственного опыта, выделить признаки, сформулировать известные обобщения или категории. Можно сказать, что, если бы у человека не было труда и языка, у него не было бы и отвлеченного “категориального” мышления» [Лурия: 26]. Человек не отказался от связи объекта с практическими ситуациями. Он научился использовать их в общении для передачи информации.

Фрейм соотносим с симпрактическим языком ситуаций в онтогенезе речевой деятельности и филогенезе коммуникативного сознания человека, которое древнее языкового. Запечатленные с детства, маркированные первоначально словами (или жестами), ситуации не уходят из сознания и остаются целостными образованиями (фреймами). Они хранятся и работают на уровне внутренней формы слов, актуализируются во внутренней речи при порождении или восприятии речевого высказывания, а также задействуются в неречевой коммуникации. Кодами (символами) этих ситуаций могут становиться какие-то их атрибуты, узнаваемые сообществом.

Способность «захватывать» и обрабатывать реальность ситуациями, т. е. фреймово, сохраняется в сознании и мышлении человека, помогая ему справляться с бесконечным многообразием мира. В исторической науке под влиянием работ отечественных психологов о симпрактическом мышлении возникло понятие «симпрактического общества» (англ. *sympractical society*) — «общества, где преобладает социальная деятельность, осуществляемая на основе невербальных регуляторов поведения, усваивае-

мых в ходе развития практических навыков» [Психологический словарь; Романов].

Очевидно, что фреймы, хранящиеся в сознании реципиента, не «фотографии». Они представляют собой модели структурированных знаний, где, возможно, упущены какие-то фрагменты (слоты). Однако фреймовая рамка не случайна, она формируется из элементов, наделенных смыслами собственного практического или навязанного коллективного опыта. В процессе освоения человеком действительности фреймы усложняются, по мере усложнения смысловых связей с их ситуациями. На состав фреймов, отбираемых для коммуникации, влияют особенности коммуникации (количество носителей языка, особенности среды существования, традиционные виды деятельности и т. п.).

Внутренняя форма языка, по В. фон Гумбольдту, закладывается под влиянием условий, в которых приходится осуществлять общение, и задач, для которых носитель языка вступает в общение, поэтому внутренняя форма языка — это коллективный результат работы сознания и мышления по отбору форм представления знаний о мире и форм присваивания / считывания смыслов ситуаций, назначенных к обозначению в акте коммуникации [Гумбольдт В. 1984; 1985]. Смысл фрейма устанавливается исходя из «утвержденной» оценки данной ситуации и оценки тех действий, которые она за собой влечет. Внутренняя форма языка строится из таких форм, которые умственная деятельность народа и его язык совместно выработали для удовлетворения потребностей коммуникации, возникающих в процессе жизнедеятельности данного народа.

Следовательно, фреймы не относятся к глубинным структурам, характеризующим врожденную языковую способность человека вообще, они формируются в процессе осознания ситуаций внешнего и внутреннего мира, для их оценки и ориентировки. Они отражают выработанную в целях и условиях человеческой коммуникации «технология» использования сознанием редуцированных образов-схем пережитых ситуаций: а) для экономии времени и мыслительных усилий в процессе познания нового в будущем, б) для передачи и обмена информацией между членами сообщества.

В оппозиции «человек — ситуация», как известно, слову отводится роль «освободителя». Однако, прежде чем слово ос-

вободит человека от «пут» конкретной ситуации, эта свобода будет подготовлена фреймом. Именно во фрейме произойдет фиксация сознанием существенного и отбрасывание несущественного. Закрепится не только собственно типовая картинка (представление), но и набор возможных / обязательных сценариев ситуации. На основе этого комплекса отфильтрованных ситуаций реализуются связи и отношения знаков, и, главное, происходит выбор знака. Благодаря категориальному мышлению состав ситуаций в зоне, принадлежащей одному фрейму, пополняется по мере приобретения человеком опыта в освоении реального и ирреального мира.

Часто история жизни слова в языке иллюстрирует путь, пройденный знаком вместе с фреймом. Фрейм может «отказаться» от знака, если тот начинает каким-то образом ограничивать коммуникацию, не способен уже передать необходимый объем представления о реальности, тогда появляются семантические архаизмы; или фрейм может «раздвинуть» границы внутренней формы знака за счет образования значительных по объему словообразовательных гнезд; или он способен «пожертвовать» знаком в пользу одного, ставшего наиболее значимым, элемента ситуации, к примеру, оценочности — в словах *добро, зло, благо, хорошо, плохо* ситуация оценки «победила» предметную, вещную ситуацию.

Проблему формализации данных о ситуациях, отраженных сознанием человека и запечатленных в языке и речи, мы предлагаем решать с помощью пропозиционально-фреймового анализа (ПФА). Пропозиция, как семантический инвариант, «считается изоморфной структуре факта (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ч. Филмор и другие)» [Лингвистический энциклопедический словарь: 401]. Схема пропозиции является удобной формой для описания поведения субъектов ситуации и для описания структуры самой ситуации (сценария, рамки). Она позволяет в логических категориях: субъект (S), объект (O), атрибут (Attr), предикат (P), инструмент (I), материал (Mat), цель (Scop), способ действия (Mod), место (L) и т. п. — собрать информацию не только о самой рамке фрейма и концепта, но и описать типовые действия и взаимодействия субъектов и объектов ситуации. Другими словами, с помощью пропозиции можно просчитать типовые поведенческие ситуации, закрепленные и транслируемые языковой системой.

Рассмотрим для примера ПФА слова *чертог* по материалам словаря В. Даля: «**Чертог** — палата, храмина, хоромина, большой и пышный покой, великолепного убранства комната; чертоги, дворец, палаты, внутренность богатого дома. *Брачный чертог*. *Царский чертог*, стар. возвышенное место в Московском Успенском соборе, где венчались наши цари. *И возведёт (митрополит) царя на чертожное место, на чертог*, стар. **Чертожник**, обитатель чертогов; || род дворецкого, церк.; || жених, церк.» [Даль: 597]. Данную информацию можно представить в виде списка следующих пропозиций, которые можно считать поведенческой частью фрейма «чертог»:

(1) $S - P$ (*строит*) — $O - Atr - Mat - Mod - L$ «Некто строит большое красивое здание из материала по технологии в определённом месте» — *чертог, чертожный*;

(2) $S_1 - P$ (*живёт / находится*) — $v L$ «Некто живёт / находится в здании» — *чертог, чертожный*;

(3) $S_2 - P$ (*находится*) — $v L - Scop$ ($S_2 \neq S, S_1$) «Некто находится в здании с определённой целью» — *чертог, чертожный*;

(4) $S_3 - P$ (*управляет*) — O , где $S_3 \neq S_1 \neq S$ «Некто управляет зданием» — *чертожник*;

(5) $S - P$ (*женится*) — $v L$ «Некто женится в здании» — *чертог, чертожный*.

Этими же пропозициями могут быть описаны структуры ситуаций, представленных в виде самостоятельных предложений, текстов; а также реальные действия с предметами, сюжеты картин и другие способы передачи информации от человека к человеку.

Учет динамики фрейма применительно к теории языка и речи имеет существенное значение, так как задает другие требования к методологии анализа фрейма в языке и речи, расширяя границы «обязательного» материала, на основании которого лингвист-когнитолог должен делать свои выводы.

Фрейм в динамике более «чувствителен» к системным проявлениям языковой единицы и ее функционированию в речи, т. е. в конкретной речевой ситуации, которая не ограничивается пределами фразы (раздвигает границы привлекаемого контекста иногда до пределов текста / гипертекста). Фрейм может не проявить всех своих границ в ходе компонентного семантического анализа даже в рамках поля, пока не будет смоделирован его поведенческий спектр.

Идея фреймирования обращает внимание на важнейшее существенное свойство: фрейм есть рамка знания о ситуации и типовом поведении в ней. Сопоставление поведенческой стороны фреймов позволит уточнять квалификацию целого ряда семантических явлений — многозначности, омонимии, синонимии, антонимии. Доказательно объяснять выбор языковой единицы в конкретной ситуации.

Межкодовый характера фрейма, который обеспечивает «переносы» и «сдвиги» его рамки с одной сферы человеческой деятельности на другую, может проявляться и в статике, и в динамике. Анализ роли поведенческой части фрейма, в конечном счете, позволит продвинуться в понимании роли языка во всех этих междействительностных переключениях человеческого сознания и мышления.

Литература

Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: ГУ-ВШЭ, 2007. 35 с.

Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та, 2011. 334 с.

Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина, Ю. А. Данилова, А. Д. Ковалева, О. А. Оберемко под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. Москва: Институт социологии РАН; ФОМ, 2003. 752 с.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. С. 37–298.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. Москва: Прогресс, 1985. 452 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 683 с.

Демьянков В. З. Парадигма в лингвистике и теория языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой / Отв. ред. Н. К. Рябцева. Москва: Языки славянских культур, 2009. (Studia philologica). С. 27–37.

Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.

Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой / Отв. ред. Н. К. Рябцева. Москва: Языки славянских культур, 2009. (Studia philologica). С. 51–65.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. И. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия. 1990. 685 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е. Д. Хомской. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. Москва: Энергия, 1979. 151 с.

Психологический словарь / Сост. Д. Трефилов, В. Никонов [Электронный ресурс] Психологи на b17.ru URL: www.b17.ru/dic/simprakticheskoe_obschestvo/

Романов В. Н. Историческое развитие культуры (психолого-типологический аспект). Москва: Савин, 2003. 448 с.

Телия В. И. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. Москва: Прогресс, 1988. С. 52–91.

Яноу Д., Хульст М. ван. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. 2011. С. 87–113.

Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology; University of Chicago Press: Chicago, IL, USA, 1972. 373 p.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1999. 283 p.

Rein M., Schön D. A. Problem setting in policy research // Using social research in public policy making / Ed. by C. H. Weiss. Lexington: Lexington Books, 1977. P. 235–251.

References

Vakhshtain V. S. Teoriya freimov kak instrument sociologicheskogo analiza povsednevnogo mira: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Moscow: GU–VShE, 2007. 35 s.

Vakhshtain V. S. Sociologiya povsednevnosti i teoriya freimov. Sankt-Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta, 2011. S. 42–43.

Gofman I. Analiz freimov: Esse ob organizacii povsednevnogo opyta / Per. s angl. R. E. Bumagina, Yu. A. Danilova, A. D. Kovaleva, O. A. Oberemko pod red. G. S. Batygina i L. A. Kozlovoi. Moscow: Institut sotsiologii RAN; FOM, 2003. 752 s.

Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitie chelovechestva // Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Moscow: Progress, 1984. S. 37–298.

Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. Moscow: Progress, 1985. 452 s.

Dal' V. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarei, 1955. T. 4. 683 s.

Dem'yankov V. Z. Paradigma v lingvistike i teoriya yazyka // Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Tradicii i novatorstvo: Sb. v chest' E. S. Kubryakovoi / Otv. red. N. K. Ryabtseva. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. (Studia philologica). S. 27–37.

Efremov V. A. Teoriya kontsepta i kontseptual'noe prostranstvo // Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena. 2009. № 104. S. 96–106.

Kravchenko A. V. O tradiciyakh, yazykoznanii i kognitivnom podkhode // Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Tradicii i novatorstvo: Sb. v chest' E. S. Kubryakovoi / Otv. red. N. K. Ryabtseva. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. (Studia philologica). S. 51–65.

Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniia o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniia. Rol' yazyka v poznanii mira. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 s.

Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar' / Gl. red. V. I. Yarceva. Moscow: Sov. enciklopediya, 1990. 685 s.

Luriya A. R. Yazyk i soznanie / Pod red. E. D. Khomskoi. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 s.

Minskii M. Freimy dlya predstavleniia znaniia. M.: Energiya, 1979. 151 s.

Psikhologicheskii slovar' / Sost. D. Trefilov, V. Nikonov [Elektronnyi resurs] Psikhologi na b17.ru URL: www.b17.ru/dic/simprakticheskoe_obschestvo/

Romanov V. N. Istoricheskoe razvitie kul'tury (psikhologo-tipologicheskii aspekt). Moscow: Savin, 2003. 448 s.

Teliya V. I. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspety. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996. 288 s.

Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1988. Vol. 23. Kognitivnye aspekty yazyka: Per. s angl. / Sost., red., vstup. st. V. V. Petrova i V. I. Gerasimova. Moscow: Progress, 1988. S. 52–91.

Yanou D., Khul'st M. van. Freimy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniya // Sociologicheskoe obozrenie. T. 10. № 1–2. 2011. S. 87–113.

Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology; University of Chicago Press: Chicago, IL, USA, 1972. 373 p.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1999. 283 p.

Rein M., Schön D. A. Problem setting in policy research // Using social research in public policy making / Ed. by C. H. Weiss. Lexington: Lexington Books, 1977. P. 235–251.

Сведения об авторе: Светлана Леонидовна Андреева; кандидат филологических наук; доцент; Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; доцент кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования; 216zamsv@mail.ru; сфера научных интересов: когнитивная лингвистика.

Author's profile: Svetlana Leonidovna Andreeva; Candidate of Philology; Associate Professor; Nosov Magnitogorsk State Technical University; Associate Professor of the Department of Pedagogical Education and Documentation at the Institute for the Humanities; 216zamsv@mail.ru; research interests: cognitive linguistics.